

рии его произведеній. Дѣйствующее лицо, за которымъ скрывается самъ авторъ, Кьеркегаардъ, — то мужчина, то женщина, то женихъ, то невѣста, иногда — отецъ, иногда — дочь, въ первомъ періодѣ — Донъ-Жуанъ и Эльвира, въ последнемъ — Авраамъ и Исаакъ; — и вся перемена при этомъ — чисто формальная.

Въ настоящемъ случаѣ мы наблюдали, какъ въ теченіе извѣстнаго времени одно событіе въ жизни автора преобладало надъ всѣми его произведеніями и направляло его талантъ. Но есть много другихъ случаевъ, гдѣ и преобладающее событіе точно также ничего не объясняетъ, какъ ничего не можетъ объяснить „господствующая способность“; однимъ словомъ, формула, которая вполнѣ обезпечивала бы критика, не существуетъ.

Въ Даніи жилъ, въ началѣ нынѣшняго вѣка, поэтъ, глубокій по мысли, но мало кому теперь извѣстный — Шакъ Стаффельдтъ. Изъ всей лирической поэзіи скандинавской литературы, его поэзія является самою роскошною, но она никогда не была вполнѣ оцѣнена. Масса оригинальнаго поражаетъ въ его поэзіи, напимѣръ, проявленіе величайшей радости по поводу исключительно теплой осени, дѣльи серіи сонетовъ, воспѣвающихъ сталактитовые гроты, и въ то же время чрезвычайно рѣдко встрѣчается у него впечатлѣнія окружающей его природы. Наконецъ, есть у него еще одно феноменальное свойство: онъ вездѣ обнаруживаетъ энтузіазмъ по поводу пѣнія въ католическихъ церквахъ, а самъ онъ лично былъ проникнутъ страстною ненавистью къ римскому католицизму. Его „господствующая способность“ — созерцаніе, на половину метафизическое, на половину лирическое. Господствующаго событія не было никакого въ жизни Стаффельдта, печальной и монотонной. Но за то у него есть своеобразный взглядъ на жизнь, который отражается на всемъ.

Я нашель, что Стаффельдтъ, врагъ всего фрагментарнаго, отрывочнаго, и ненавистникъ внутренней разногласицы и разъединенія, развивалъ свои мысли вполнѣ свободно и вмѣстѣ первоначально — именно тогда, когда ему приходилось описывать и прославлять вселенную въ ея единствѣ и нераздѣльности. Онъ преклонялся предъ единствомъ съ благочестіемъ пантеиста и выражалъ его въ символахъ, какими до него никто не воспѣвалъ вселенной. Если онъ рѣдко брался за описанія природы въ Даніи, то именно потому, что въ его глазахъ природа, о которой онъ говоритъ и о которой онъ мечтаетъ — это всеобъемлющая природа, вселенная. Теплый сентябрь возбуждаетъ въ немъ энтузіазмъ, такъ какъ онъ въ этомъ видитъ соединеніе красоть осени и весны. Онъ любитъ воспѣвать сталактитовые гроты, потому